

КНИГИ НАТАЛЬИ РЕЗАНОВОЙ В T8 RUGRAM:

«ИМПЕРИЯ ЭРД-И-КАРНИОНА»:

УДАР МИЛОСЕРДИЯ
Я СТАНУ АЛИЕНОЙ
ДОРОГА ВИСЕЛЬНИКОВ
ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА
ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ
СЛЕПАЯ ПТИЦА
ТРИ ТЬМЫ

«ПРИНЦЕССА»:

КРУГОМ ОДНИ ПРИНЦЕССЫ
НЕ БУДИТЕ СПЯЩУЮ ПРИНЦЕССУ
У ПРИНЦЕССЫ ВЕК НЕДОЛОГ

«ИНОСКАЗАНЬЯ»:

ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО ВАВИЛОНА
ПРИЗРАК ДВЕНАДЦАТОЙ НОЧИ
АРАУКАНА

«ИТИЛЬ-ГОРОД»:

БУЙ-ТУР БАЮЗ
ТРУБЫ И ФАКЕЛЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ГОТИКА

«ИГРА ВРЕМЕН»:

НОЧЬ ПРАВДЫ
КНЯЖЕСКАЯ ВЕДЬМА
ЯВЛЕНИЕ ХОЗЯЕВ

ВНЕ ЦИКЛА:

ЧУДО И ЧУДОВИЩЕ
ВЕТЕР И МЕЧ
УГОЛОВНЫЙ РОМАНС

Наталья Резанова

КНЯЖЕСКАЯ
ВЕДЬМА

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Р34

Резанова, Н.

Р34 Княжеская ведьма / Н. Резанова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 408 с. — (Игра времен).

ISBN 978-5-521-74100-7

Две истории, где действие разворачивается в одной и той же вымышленной стране, уже знакомой читателю по книге «Ночь Правды».

«Княжеская ведьма»

Слабая, тщедушная, безнадежно больная, она брошена в мир жестокости и насилия. У нее нет ничего, кроме силы воли и колдовского дара — и она верит, что этого достаточно, чтобы победить обстоятельства. Она стремится защищать добро. Но если добро победит зло, останется ли оно добром?

«Игра времен»

Роман в новеллах где действие разворачивается от Темных веков до эпохи звездолетов. Маги и берсерки, монахи и великие изобретатели, путешественники во времени и пришельцы с иных планет — все они встретятся на страницах этого повествования. Но люди остаются людьми, обитают ли они в замках и монастырях или на космических станциях.

Книга публикуется в новой, дополненной редакции.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74100-7

© Наталья Резанова, текст, 2021
© Евгения Алёнушкина, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

*«Если же свет, который в тебе —
тьма, то какова же тьма?»*

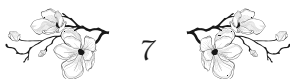
От Матфея, 6, 23

I. КАРЕН

ни пришли ночью, той ночью, когда никто не ждет опасности, когда зло самим небом принуждено отдыхать, а бедные — радоваться. Вся стража была пьяна, все часовые спали, и укрепления пали без шума и сопротивления. А дальше они вошли в город, и люди, уснувшие, утомившись праздничным весельем, пробуждались от криков, и, ослепнув от пламени, бросались наружу, прямо на обнаженные лезвия мечей, и многие погибали, так и не узнав, что происходит, тем же, кто узнал, лучше бы погибнуть в неведении. В ту ночь, кровавую ночь Рождества, среди грабежей, насилия и убийств, уже шли поиски. Меня искали в доме, на пылающих улицах, на темных площадях. Но меня там не было, не было в городе, и то, что разоряет его враг, оставалось для меня скрытым.

Нет, так нельзя. Нельзя начинать рассказ с середины, даже если не знаешь, какой у рассказа будет конец. Это нечестно. Вряд ли кто-нибудь увидит эти записки прежде моей смерти, а тогда уж некому будет разъяснить непонятное. Даже если теперь пишу я для себя всего лишь. Ибо всякий, взявшийся за перо, втайне предполагает, что написанное им прочтут чужие глаза. Но пока я пишу для себя, для того, чтобы помочь смятенной своей душе обрести мир и успокоение. Слишком долго она служила подспо-

рьем для иного, моя душа. Я лишена возможности, предоставленной всему крещеному человечеству — пойти на исповедь и снять с души грех, — а грех на ней, видит Бог, есть, и вовсе не потому, что я, как утверждают невежды, ведьма, это я не считаю своим грехом... может быть, такие как я, вообще вне церкви... если они есть, такие, как я...

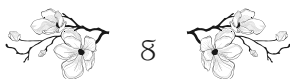
Над этим стоит поразмыслить.

А чтоб можно было уяснить, почему я обречена на молчание, я начинаю.

Я, Карен из Тригондума, пишущая эти строки, называемая впоследствии по людскому недомыслию княжеской ведьмой, рождена в законе от свободных родителей. Наш род — издавна свободный. Предки мои поселились в Тригондуме более века назад. Мой отец был старшиной цеха кровельщиков и жил в собственном доме, что в Колокольном переулке, неподалеку от церкви Преображения. И его отец был кровельщиком и жил там же, и дед, и отец деда, а кто был дед деда, и откуда он пришел, не помнил никто.

Он-то и был первым, кто принес в город Черную Летопись.

Вряд ли найдется человек в трех королевствах, который бы не слышал преданий о Черной Летописи, но никто не может толком сказать, что она такое. Слишком много тайн ушло в небытие с наступлением темных веков, и редкие знающие сумели сохранить эти тайны и укрыть их от жадных, злых и тупых. Черная Летопись лишь называется летописью, ибо она никогда не была записана, ее хранилище — память, она передается от отца к сыну, и так до тех пор, пока небеса не явят знак, что знанию пришла пора выйти на свет из укрытия. Более века наш род хранит тайну Летописи. Но если кто рассчитывает узнать о ней что-нибудь, пусть не читает дальше. Я рассказываю здесь свою собственную историю, а не историю Летописи. Небеса молчат, а до прочего мне нет дела.

Я продолжаю. Уже было упомянуто, что знание передавалось от отца к сыну, но у моего отца, впервые в нашем роду, сыновей не было. Я родилась, когда мои родители были уже немолоды, и мать вскоре после этого умерла, так что я оказалась в семье единственным ребенком. Я не могу, конечно, помнить своего рождения, но, говорят, и вспоминать там было нечего, — не кричали птицы на крыше, в очаге не погас огонь, и звезда не стояла в окне — словом, не случилось никаких знамений, что судьба моя отмечена событиями необычайными.

Такими же обычными, как рождение, были и первые годы моей жизни, разве что матери у меня не было, но ведь это случается не так редко.

Между тем отец мой, рассудив, что я достаточно разумна, а главное памятлива, и что немало было случаев, когда, за неимением сыновей, наследовала дочь — «от плута к прялке», как сказано в законе, решил передать мне свои знания, с тем, чтобы я в надлежащее время передала их своим детям. Мой отец был человек необыкновенный, я таких больше не встречала и вряд ли встречу. Достаточно сказать, что у нас в доме были книги, и столько, сколько их не было у всех правителей Тригондума, как бы они не назывались, разве что в городском Доме Закона, где тоже были грамотные люди... для чего я высчитываю, ведь нет давно ни книг тех, ни домов... Еще мой отец свободно говорил на пяти языках, при том, что он никогда не покидал города. Так что к тому времени, когда он приступил к обучению, я была не только грамотна, но понимала уже начатки свободных наук. Само обучение шло неспешно и заняло три года, и о нем я не скажу ничего. Затем произошло событие, которое многое изменило в моей жизни. Впрочем, не только мне остался памятен день, когда обрушился старый каменный мост через Триг. По мосту проходил эскорт епископа, а за ним — обозные телеги, а внизу и вокруг толпился народ, так что пострадали многие, и убитых было больше, чем раненых. Я в тот день шла на рынок, и, чтобы спрямить дорогу, как всегда, проходила под мостом, и оказалась в самой гуще обломков и мертвых тел, а подробнее я не могу описать, потому что

тогда в первый и единственный раз в жизни лишилась сознания. Скажу только, что, когда меня нашли, изранена и искалечена я была так, что все городские лекари отказались меня врачевать, сказав, что к жизни меня вернуть невозможно. Но отец не смирился. Жила тогда у городских ворот старуха Нехасса, лечившая травами и заговорами, и разными прочими способами, которые известны знахаркам. Отец привел ее. Осмотрев меня, — а я уже совсем умирала — она объявила, что берется за лечение, но меня придется долго выхаживать. Тогда отец отдал ей все деньги, какие у него были, и посулил еще, и Нехасса осталась у нас.

По прошествии некоторого времени мне стало немного лучше, и я понимала уже все, что происходит, хотя вставать по-прежнему не вставала.

Нехасса же, призвав отца к моему одру, сказала нам, что я выживу наверняка и даже смогу передвигаться без посторонней помощи, но увечья, полученные мной, слишком тяжелы, и из-за них я никогда не стану такой, как все женщины, и детей у меня никогда не будет. И с этим она ничего поделать не может, и плата ей не нужна.

Слова ее удручили меня чрезвычайно. И это было не горе женщины, обреченной на бездетность, потому что тогда я была слишком молода и не сознавала, что значит бесплодие. Но отец научил меня относиться к себе, как к продолжательнице, единому звену в цепи рода, и теперь все оказалось напрасно. Когда мы с отцом остались наедине, а он был огорчен меньше, чем я думала, я обратилась к нему с просьбой жениться и родить других детей, раз уж я ни на что не пригодна. Он ответил:

«Во-первых, тогда в тайну стало бы посвящено больше людей, чем положено. А, во-вторых, я уже стар, и не хочу повторять больше того, что сделано. Все твое с тобой. Ты будешь жить, и найдешь человека, который тебе унаследует — не по крови, а по достоинствам своим. Ведь дело не в родстве, а в благородстве души».

